
Сергей МАККЕ

КАТАЛАУНСКИЕ ПОЛЯ 15 ИЮНЯ 451 ГОДА

Битва на Католауноских полях (Битва народов) — сражение, в котором римляне в союзе с вестготами временно остановили нашествие коалиции гуннов и германцев, стало крупнейшим и одним из последних в истории Западной Римской империи перед ее распадом.

ДИАЛОГ ДВУХ ЛЕГИОНЕРОВ

В битве пало 165 тысяч воинов с обеих сторон... Хотя исход битвы был неясен, гунны под руководством Атиллы были вынуждены удалиться из Галлии.

Неужто, дружок,
Мы опять проиграли!
И в наших пенатах все ныне не так,
В небе над нами царица печали.
В следах и делах отпечатался мрак.

Поверь, мой дружок, все идет по спирали.
На новом витке нам откроется путь.
Аэды споют, и увидим мы дали,
Если, конечно, гадалки не врут.

Все будет ок, справедливость повсюду,
И нынешний враг станет в будущем друг.
Поверь, мой дружок, в неизбежность чуда,
Как верит солдат, что его не убьют.

Сергей Макке родился в 1955 году в Ленинграде. Физик-теоретик по образованию. Поэт и создатель музеев по призванию. Автор поэтических циклов «Мартовские иды» и «Письма из римской провинции», опубликованных в последние годы. Новый исторический цикл посвящен событиям эпохи Великого переселения народов и во многом основан на материалах созданной в 2024 году постоянной экспозиции в Краеведческом музее города Таганрога «Дворец Альфераки».

Прилета не ждешь от баллисты повторно,
Ударит стрела точно в бронезилет.
И нет ведь врагов, чтобы были нам ровня,
И жить нам осталось немерено лет.

Вот так, мой дружок, обязательно сдюжим.
Под небом в алмазах густую сирень
Увидим потом, ну а ныне мы служим.
Затянем потуже кольчуги ремень.

КАТАЛАУНСКИЕ ПОЛЯ

Когда тела погибших упали, их души
продолжили сражаться в течение трех
дней и трех ночей. Мертвые бились
с не меньшим ожесточением и муже-
ством, чем когда они были живые. Ви-
дели призраки воинов и слышали гром-
кое клацанье от их оружия.

Философ Дамасский

Лишь грязь в полях и кровь у друга
И невозможен диалог
В пределах замкнутого круга
Где с дьяволом воюет Бог

Железом метят лоб у татя
Как в память привнесенных бед
На генерале, на солдате
Войны неизгладимый след

На мне горит, мой жребий ясен
Пусть я все выдюжил и смог
Не спрятать память о солдате
Хоть он и выполнял свой долг

Нам не засыпать горы пепла
Смерть на ладонях — наша быль
Куда идем? Судьба ослепла
И наш безумен поводырь

Лес рубят, щепки выше сосен
Билет порубочный фальшив
Весны все нет, есть грязь и осень
И патриарх не так красив

Мы нарубили дров с лихвою
Наш воз застрял в чужом краю
Тела погибших волки роют
А битва душ идет в раю

НАШЕСТВИЕ ВАРВАРОВ

Через год после битвы на Каталаунских
полях Аттила вновь пошел на Рим.

Здесь жить стало сложно, а умирать очень противно.
Правда, убитая ложью, мимикрирует под объективность.
Дней наших старых берег подмыт течением быстрым.
Боюсь, что река Терек смоем античные мысли.
Или с другим названием придет половодье смуты?
Кочевник обложит данью имперских развалин халупы.
Вода поменяет свежесть на вкус огневого металла.
Ногою на нашу безбрежность граница новая стала.
Забудем язык предков, как гунны заговорим или готы,
Без прутьев крепкая клетка смешает у гимнов ноты.
Забудем стихи и книги, в гимназиумах будут казармы.
А кто после бойни выжил — тех будут лупить жандармы.
За мотивы римские песен — веревку намылят мылом.
Оккупант беззастенчиво весел — ведь мы стали глубоким тылом.
В нем нет места латинскому слову, а точнее, античной мысли.
Мы к этому не готовы, мы не с этим когда-то вышли.
Говорили — не наше дело, мы цезаря не выбирали.
На воске писали смело, подписей не вставляли.
Мы спокойно жили, как в сказке, жизнь свою прожигали.
Кольчуги, кирасы и каски на плебеев вокруг надевали.
Все шло своей чередой патрицианских буден.
Но вот на костях с кровью сварен смертельный студень,
В котором жить невозможно, а умирать противно.
Сказки убиваются ложью, с полей каталаунских картиной.

ФИЛОСОФ

Он днем зажег фонарь и пошел по ули-
цам. На вопросы, что он делает, следо-
вал ответ: «Ищу человека».

Я боюсь узких лестниц, где нет и глотка кислорода
Мне на тесных пролетах становится нечем дышать
Опасаясь толпы, ведь в скопленье простого народа
Крик: «Свободы глоток» — остальным будет очень мешать

Я боюсь помещений, где окна забиты наружу
Только узкая дверь, коридор, уводящий во мглу
Дом большой на углу обещает входящим лишь стужу
Или полной мошкой короткую летом жару

Подменяя слова, произвольно мешая цитаты
Создаю полотно, непонятное даже друзьям
На кресте трое суток бессудно властями распятом
За слова, что разрушен вскоре будет наш нынешний храм

Мне висеть одному, на забаву простому народу
Всех прощая вокруг, никого и ни в чем не виня
Был один среди многих, кто вам говорил про свободу
Кто ходил с фонарем среди яркого светлого дня

Уходя в темноту, коридором дороги последней
Каждый вдох кислорода — и победа, и дикая боль
Я пока ведь дышу, и не надо заказа обедней
Не сыграл до конца мне от Бога данную роль